

Жемчужины Мудрости

Лекция Э. К. Профет

Принц золотого века

Часть I

Я хотела бы поведать вам историю о принце золотого века.

В ноябре 1572 года в созвездии Кассиопеи вспыхнула звезда, поразившая мир. Ярче Венеры, она была отчетливо видна даже при дневном свете. Многие, видевшие ее, отмечали, что «звезда-гостя», как называли комету, обнаруживала поразительное сходство со светозарной Вифлеемской звездой, которая вела волхвов. Ее появление потрясло мир. Астрономы были озадачены ее появлением, хотя великий швейцарский врач и мистик Парацельс еще более ста лет назад предсказал появление этой особенной звезды, назвав ее «предвестником великого обновления общества».

«Нет ничего тайного, что не стало бы явным, – говорил он. – Комета возвестит о присутствии чудесного человека, который пока не родился, но который откроет многое».

Этот «чудесный человек» станет мастером во всех искусствах и принесет роду людскому три сокровища – дары, которые изменят облик мира.

Пророчество Парацельса, произнесенное им в XV веке, предсказывающее «обновление общества», сбылось в неожиданное время, поскольку даже в XVI веке люди не знали и не желали знать больше, чем во времена Аристотеля, что довольно-таки странно для любого века. Так, изучение наук фактически топталось на месте. Научные эксперименты почти не проводились, разве что в алхимических лабораториях мистиков. Но с внезапным появлением кометы в созвездии Кассиопеи в 1572 году Европа наводнилась гениями.

Историк Альфред Норт Уайтхед в своей книге «Наука и современный мир» писал о бурном развитии идей, произошедшем в результате внезапно начавшейся в XVI веке интеллектуальной

революции, которая, по его словам, «оставила после себя сформированные системы мышления, затрагивающие все стороны человеческой жизни. Это единственный век, что последовательно порождает во всех сферах человеческой деятельности интеллектуальных гениев, соразмерных величию его событий».

Насыщенность XVI столетия событиями отражается в совпадениях, запечатленных в его литературных летописях. Одним из интересных «совпадений» XVI столетия было то, что появление «звезды», «предвестника» великой революции, точно совпало с началом столетия гениев в науке и литературе, которому, как недвусмысленно полагает Уайтхед, положил начало «величайший из людей» – сэр Фрэнсис Бэкон из Англии.

Когда появилась комета, Фрэнсису было двенадцать лет. По меркам того времени он уже достиг возраста наступления ответственности. Все историки сходятся во мнении, что он оказал большое влияние на свое время, и многие полагают, что это дитя и есть тот самый «чудесный человек», предсказанный Парацельсом.

Джеймс Стивенс, автор книги «Фрэнсис Бэкон и его научный стиль», пишет: Бэкон любил проводить прямые сравнения между собой и Христом. Он рассматривал препятствия на пути к успеху через призму препятствий, с которыми сталкивался Христос, и не стеснялся называть труды новых ученых «вторым Писанием».

Жизнь Фрэнсиса Бэкона окутана тайной с тех пор, как он впервые вдохнул дыхание Святого Духа 22 января 1561 года. Историки-традиционалисты утверждают, что Фрэнсис был сыном сэра Николаса и леди Энн Бэкон. Его удивительная одаренность ставится в заслугу генам этих двух весьма незаурядных, как и он, людей.

Дальнейший рассказ составлен на основе общепринятой биографии Фрэнсиса Бэкона за авторством Джеймса Спеддинга, а также многочисленных биографий ученого, где акцент ставился на шифрах, содержащихся в его трудах. Благодаря доступным на сегодняшний день материалам, нижеследующая история отражает тайную *внутреннюю* жизнь величайшего гения нового времени.

В период правления королевы Марии I принцесса Елизавета (впоследствии королева Англии Елизавета I Тюдор) была заключена в Тауэр. Там она познакомилась с Робертом Дадли, позже известным как граф Лестер. Между ними вспыхнул бурный роман. Елизавета сохранила привязанность к нему и после их освобождения из заключения, даже взойдя на престол. Став королевой, первым делом она назначила молодого Роберта Дадли королевским шталмейстером (главным конюшим), а затем сделала его графом Лестером.

Историки пишут, что на церемонии по случаю его вступления в должность, проходившей в Вестминстерском дворце, она помогла ему облачиться в мантию: «Он сидел перед ней на коленях, сохраняя степенность и сдержанность... Она же не удержалась и, прикоснувшись рукой к его шее, пощекотала его». Очаровательная домашняя сцена.

В ранние годы ее правления они были неразлучны. Он играл для нее ту же роль, что и Марк Антоний для Клеопатры, за что впоследствии был люто ненавидим знатью. Елизавета оказывала ему все почести, которых тот желал, – осыпала его богатствами и передала в его руки власть. Никто не сомневался в ее страстной любви к нему. По воле судьбы вскоре королева стала матерью.

Находясь на пятом месяце беременности, она вышла замуж за Дадли. Тайная церемония венчания прошла в доме лорда Пикеринга.

Тремя же неделями ранее с первой женой Дадли, в девичестве Эми Робсарт, произошел несчастный случай, как его называли по расследовании. Она упала с лестницы и разбилась насмерть.

Четыре месяца спустя на свет появился Фрэнсис. Преждевременное рождение юного принца, всего через четыре месяца после свадьбы его родителей, помешало королеве признать его своим сыном, ведь это затрагивало ее честь.

По государственным соображениям она не могла всенародно объявить о своем замужестве, а потому продолжала выдавать себя за «королеву-девственницу», несмотря на то что наслаждалась супружескими отношениями и материнством. Истинное происхождение принца стало государственной тайной, хотя и известной

всему королевскому двору. Даже простолюдины догадывались об этом.

Упоминание о детях королевы стало уголовным преступлением. «Клевета» на королеву-девственницу каралась смертью или увечьем. Так, госпожу Энн Доу из Брентвуда сожгли на костре за сплетни о том, что королева родила ребенка. Роберт Брукс из Дивайзеса был заключен в тюрьму за то, что воскресил сплетни об этом. А в 1570 году мистеру Маршему, джентльмену из Норфолка, отрезали уши за его слова: «Мой господин граф Лестер прижил двоих детей от королевы».

Когда родился Фрэнсис, главной фрейлиной Елизаветы была Энн Бэкон, жена сэра Николаса Бэкона, лорда-хранителя государственной печати Англии.

Леди Энн воспитывалась вместе с королевой и поддерживала с ней хорошие отношения. Именно она умолила королеву сохранить жизнь новорожденному Фрэнсису, предложив растить его в своей семье, если королева окажет ему поддержку. Недолго думая, королева согласилась – и леди Энн в тот же день забрала крошечного младенца в «маленькой круглой расписной люлочке» в свой дом.

Леди Энн сама была на сносях, поэтому могла бы легко объявить о рождении двойни. Но когда неделю спустя ее ребенок родился мертвым, его подменили на Фрэнсиса и представили миру другого младенца.

Крещение младенца Фрэнсиса было зарегистрировано в церкви святого Мартина 25 января. Историков озадачивает его церковное имя – Францискус Бэкон – необычайно уважительное имя для младенца.

Фрэнсис воспитывался в строгой пуританской атмосфере и получал образование под личным надзором королевы. Еще совсем ребенком его представили ко двору, где королева Елизавета прилюдно погладила его по головке и назвала «мой маленький лорд-хранитель».

Неофициальная биография гласит, что он постоянно находился вместе с королевой и графом Лестером в их личных покоях и что королева-мать регулярно виделась с ним в Горхэмбери, родовом

поместье Бэконов, и в поместье лорда Берли, где постоянно ставились пьесы и устраивались театрализованные представления.

В свете дальнейшей жизни Фрэнсиса интересно отметить, что граф Лестер, его настоящий отец, был первым человеком, получившим лицензию на постановку пьес в Англии. Его актерская труппа была сформирована через год после восшествия Елизаветы на престол. Он содержал артистов всю свою жизнь. Он построил первый в Англии театр. Граф Лестер обладал огромной движущей силой и, как говорят, был одарен выдающимися литературными способностями. Королева Елизавета обладала административной и интеллектуальной одаренностью. Она была образованной «до мозга костей».

Нетрудно понять, что Фрэнсис Бэкон стал уникальным плодом союза столь выдающихся родителей. Его приемные родители, леди Энн и сэр Николас, тоже были невероятно талантливы. Леди Энн была известна по всей Англии как глубоко религиозная женщина, обладавшая многочисленными и разнообразными талантами. Она знала классические и современные языки. Более того, она была известна по всей Европе своими переводами с латыни и итальянского.

Ричард Инс в книге «Лорд-канцлер Англии» рассказывает, что леди Энн была довольно крупной женщиной. Фрэнсис называл ее своей «прекрасной большой матушкой». Она наводила ужас на робких и усталых, ибо подозревала всех (кроме себя) в лености и боялась, что все (кроме нее самой) тайно тяготеют к католицизму.

При этом ее сыновья, Фрэнсис и его брат Энтони, обожали ее, потому что во всяком случае находили ее большой, доброй, заботливой и любящей. Если она ругала их в один момент, они знали, что в следующий она расцелует их с не меньшим жаром.

У нее был собственный взгляд на вещи, и она никогда не стеснялась его высказывать. Так, она лично укладывала их спать, мыла их с пугающей тщательностью, заставляла их глотать (когда они выглядели бледными) травы с неприятным вкусом, пекла для них булочки... своими собственными умелыми руками, много и бегло разговаривала с ними на церковной латыни, ведь ее отец сэр Энтони Кук был крупным богословом и служил наставником юного короля Эдуарда VI; она выгоняла сыновей из дому, когда

они слишком шумели, и кричала им вернуться обратно, когда, обнаружив, что в доме стало слишком тихо, убеждала себя, что они простужаются на улице.

Она управляла Горхэмбери и большей частью прилегающих деревень в столь же деспотичной манере, в которой капитан всегда командует своим кораблем, только более лично, более неистово и более многословно. Поговаривали, что даже сама королева вела себя несколько сдержаннее и выбирала выражения в присутствии своей ученой и одаренной бывшей главной фрейлины леди Энн».

Мы знаем, что Фрэнсис горячо любил ее, называя «святой Божьей», и что даже в зрелые годы он частенько навещался в ее дом, чтобы леди Энн могла позаботиться о нем. Сэр Николас, лорд-хранитель государственной печати Англии, тоже был писателем и увлекался классикой. Он был известен по всей Европе как эксперт по созданию и взлому шифров при дворе Елизаветы I.

Фрэнсис был вылеплен не из простого теста. С самого рождения он проявлял задатки гения. Его природные таланты были усилены образованием, «достойным короля». Королева требовала, чтобы он получил образование такого же уровня, как и она, а ее образование считалось лучшим в мире.

Мы видим, что уже в свои ранние годы Фрэнсис был «не мальчиком, но мужем». Ребенком он отличался тем, что был не по годам развит и быстро усваивал знания. Домашние боялись отвлекать его «бабушкиными сказками», опасаясь потока каверзных вопросов с его стороны.

«О, я не знаю, чему и учить господина Фрэнсиса! – сетовал его наставник мистер Коттвин. – Он учится слишком быстро. Его мозг загорается от одного слова. Он засыпает меня вопросами, на которые я не могу ответить, например: “В чем причина эха?”»

Похоже, попытки угнаться за «самым совершенным мозгом, когда-либо дарованным сынам человеческим» доставляли немало хлопот мистеру Коттвину.

Альфред Додд, известный английский историк и преданный приверженец Фрэнсиса Бэкона, развил это наблюдение: «Если когда-либо и существовал человек, рожденный для того, чтобы править, человек, осиянный лучом Божьего величия от колыбели

до могилы, человек, ниспосланный из невидимого мира свершить великие дела, возродить Англию, континент, мир... рожденный, чтобы их исправить... то таким человеком был Фрэнсис Бэкон».

Фрэнсиса обожали десятки слуг, трудившихся в двух огромных поместьях семьи Бэконов, а также лорды и дамы при дворе. Королева частенько приглашала его сопровождать тучного и веселого сэра Николаса.

Роули, капеллан Бэкона, говорил, что королева «любила задавать вопросы смышленому малышу, хохоча в своей грубой манере над его мгновенными ответами». Однажды она спросила его, сколько ему лет, и была восхищена серьезностью его ответа: «Всего на два года младше счастливого царствования вашего величества».

Альфред Додд, известный исследователь творчества Бэкона, отмечает, что Фрэнсису повезло вырасти в доме высокопоставленного чиновника: «Остроты, шутки и игра слов были неотъемлемой частью интеллектуальной атмосферы. Постепенно он превратился в маленького философа – но смеющегося, а не с суровым и серьезным выражением лица».

Он был полон юмора и не гнушался мальчишеских шалостей на пару со своим братом и ближайшим другом Энтони. Игривый настрой обоих сыновей частенько беспокоил и раздражал благочестивую леди Энн, особенно когда они увиливали от молитв в семейной часовне, чтобы побывать в конюшнях, предпочитая веселую болтовню с конюхами и их подручными серьезной беседе с Богом.

Жажда жизни Фрэнсиса Бэкона была сильной и принимала форму страстного стремления знать и понимать. Его ум созрел поразительно рано. Он жадно брался за книги и поглощал их, как голодный ребенок – высохшую краюшку хлеба. Он изучал латинскую грамматику по «Компендиуму». Небольшая книжечка с каракулями и рисунками мальчика на полях сохранилась до наших дней. Он читал произведения почти всех писателей древних Греции и Рима. Он читал труды отцов церкви – Августина, Оригена, святого Иеронима и Климента, а для развлечения читал итальянских романистов и остроумные сатиры Эразма Роттердамского. Все было достойно его внимания. Возможно, он размышлял о

своем детстве, когда написал: «Он от колыбели был ученым, зрелым человеком и славным малым».

Книги были величайшим сокровищем для Фрэнсиса. «Знаете, – писал он своему дяде лорду Берли, – с самого детства я изучал все дисциплины. Мои способности не измеряются моими годами. Я познакомился со всеми знаниями, которыми обладает мир... Я овладел всеми языками, на которых написаны книги... Я не даю пустых обещаний».

Он проглотил все книги и статьи из обширной классической библиотеки сэра Николаса, полностью усвоив их, прежде чем в возрасте двенадцати лет отправился на учебу в Кембридж. Также вероятно, что Фрэнсис имел доступ к большой мистической библиотеке в Мортлейке, собранной доктором Джоном Ди, знаменитым астрологом королевы Елизаветы. Библиотека включала в себя практически все известные на то время магические, мистические и оккультные трактаты, написанные на всех западных языках со времен Платона. Фрэнсис поглощал их так же жадно, как и классическую литературу. Несомненно, его поздние сочинения полны ссылок на всех великих мистиков и поэтов всех времен. Но, как уверяет доктор Роули, хотя он очень много читал, тем не менее знания свои он черпал не только из книг, «но и из неких оснований и представлений внутри себя самого».

Как отмечал Дэвид Ллойд, писатель XVII века, автор книги «Государственные мужи и фавориты королевы Елизаветы», к тому времени, как Фрэнсису исполнилось двенадцать лет, его «звезда» уже взошла: «Его феноменальная и структурированная память, его живое воображение, его быстрая речь вселяли уверенность в то глубокое и всеобъемлющее понимание вещей, которое производило впечатление человека великого и мудрого». Именно в то время Бэкон принес обет быть «службой процветания». Полагаю, это означает служить Богине Процветания – повышать уровень жизни и культуры людей.

О детстве Фрэнсиса Бэкона сохранилось мало сведений, не считая его удивительных познаний и занятий естественной историей на берегах его родной речушки Вер, которая всегда была известна удивительной прозрачностью вод. Однако до нас дошла

один рассказ, который действительно предсказывает, кем станет Фрэнсис.

Ричард Инс в своем романе о жизни Фрэнсиса Бэкона подробно излагает следующую историю:

«Когда Фрэнсису было двенадцать, он написал пьесу и отнес ее мистеру Коттвину. Пьеса была на латыни и сильно смахивала на произведение римского комедиографа Плавта. Она называлась *Rex Philosophus* – “Король-философ”.

Хотя мать Фрэнсиса в целом была против театра (считала, что лицедейство – “зло, которым дьявол заманивает души в свои сети” и что древние греки были язычниками, а их театральные постановки бессмысленны, ведь они – “бедные души! – все равно отправятся в ад”), Коттвин знал, что королева любит детей и всегда радуется, когда они произносят ей милые речи на церковной латыни. И Фрэнсис, очевидно, был ее любимцем.

Усилия мистера Коттвина не пропали даром. Ее величество королеву спросили, не соблаговолит ли ее величество, по своей безграничной милости и непревзойденному благоволению, присутствовать на небольшой пьесе, написанной господином Фрэнсисом Бэконом и разыгранной им при участии его маленьких кузенов и друзей. Ее величество соизволила любезно согласиться и, повернувшись к лорду Лестеру, напомнила ему о его интересе к театру.

Две недели спустя, теплым июньским днем, обдуваемые свежим ветерком с реки, королева, граф Лестер, лорд Берли и его супруга, а также многие другие представители знати собрались в тенистых садах Йорк-Хауса, чтобы лицезреть небольшую пьесу под названием “Король-философ”... которую разыгрывали господа Энтони и Фрэнсис Бэконы. В этом им помогали госпожа Бетти Сесил, господин Роберт Сесил и несколько младших Арунделов и Пемброков, под руководством режиссера, мистера Эдварда Коттвина, магистра искусств, и мистера Джона Косгроува из труппы актеров лорда Лестера.

Сценой была зеленая лужайка, расстилавшаяся, словно толстый ковер, между крыльями длинного двухэтажного здания с остроконечными фронтонами и высокими дымоходами. Массивное

дубовое сиденье, устланное коврами, служило тронem для королевы. Лорд Лестер и граф Пемброк стояли по обе стороны от нее.

Фрэнсис был королем-философом, великолепным в своем маленьком костюме из алой ткани, отороченной золотой парчой, с крупными розовыми розами на остроносых туфлях. Он впервые участвовал в настоящем представлении перед взрослыми зрителями, и его голос поначалу звучал довольно тихо. Но когда мистер Коттвин, высунувшись из-за лавровых кустов, крикнул театральным шепотом: “Громче! Громче!” – король-философ оживился. Слова слетали с его губ с четкой дикцией, порой достигая неистовой страсти, несвойственной для столь юного возраста. Все шепоты стихли, все взгляды устремились на него.

Цитата пьесы: “И говорю вам, великие короли и принцы, будьте философами, а вам, философы, я говорю: будьте королями над самими собой, и так вы покорите всех людей, ибо король, не ведающий своего сердца, никогда не прочтет и сердец своих подданных, а философ, живущий лишь своими мыслями, вечно размышляющий над теми или иными проблемами, никогда не найдет Ключа к спасению, не взберется на золотое дерево и не соберет яблоки Гесперид”».

Эти слова Фрэнсис Бэкон написал в своей пьесе в возрасте двенадцати лет. В том же возрасте он был отправлен в Кембридж и вместе со своим братом Энтони стал студентом Тринити-колледжа в Кембридже. Там он надеялся узнать «все, что знают люди», ибо, по его мнению, «невежество есть Божие проклятие... знание же суть крылья, на которых мы воспаряем к небесам». Однако вскоре Фрэнсис обнаружил, что из Кембриджа на небеса не попасть! В процессе учебы идеалы очень скоро уступили место реальности.

Во времена Бэкона учебная программа университета оставалась в основном такой же, какой она была во времена основания университета несколькими столетиями ранее. Она состояла из изучения трудов Аристотеля и, в подражание ему, применения «диалектики» к бесчисленным вопросам, или «темам».

Темы поднимались почти исключительно богословские, изредка могли возникать дискуссии об этике, но естественные науки

игнорировались. Диалектика изучалась наряду с грамматикой и риторикой в рамках изучения языка и искусства общения и считалась основой образовательного процесса. При этом где-то в начале XV века произошла постепенная реорганизация и пересмотр диалектической «методички», которой пользовались студенты Кембриджа. Появился новый тип методического пособия. Изучение наук претерпело значительные изменения. Ответственными за эти изменения, как и следовало ожидать, были реформаторы образования, обычно называемые «гуманистами». По сути что гуманисты сделали в деле изучения логики и передачи информации, так это избавили студента от обязанности открывать истину в вопросе до того, как он проанализирует его.

Для этих новых диалектиков истина не была связана с передачей знаний. Они заменяли ее заботой о том, что казалось «правдоподобным», во что «верит большинство», что будет верным «в большинстве случаев» и что «легко доступно и не особенно уязвимо для критики».

Отказавшись от благоговения ученых перед истиной, эти гуманисты фактически перестроили процесс, посредством которого студенты подходили к различным рассматриваемым вопросам.

Авторы новых учебников перевернули вверх ногами весь процесс обучения, предложив студенту сначала размышлять о том, как его аргумент соотносится с миром и как он может доказать эту соотнесенность, и лишь затем оценивать точность аргумента.

Весьма вероятно, что именно реакция Бэкона на эту «реформированную диалектику» и привела к его решимости бросить вызов всей интеллектуальной элите и предложить свой собственный метод «развития обучения».

Возможно, знаменитая книга Бэкона «Новый Органон», написанная им годы спустя, задумывалась на самом деле как замена реформированной диалектике и ее методам, а также как способ рекомендовать метод индукции в качестве «великого метода» познания. Бэкон комментирует использование «диалектиками» того, что они называли своим «единственным и неповторимым методом», посредством которого гуманисты стремятся разделить всё во Вселенной на две категории – тезис и антитезис. Это были зачатки той самой гегелевской диалектики, из которой, как вы

хорошо знаете, Маркс и Ленин развили диалектику мирового коммунизма.

Фрэнсис Бэкон комментирует: «Нет нужды говорить о диалектике, ибо она была своего рода облаком, на время заслонившим знание, – подходом, без сомнения, весьма несостоятельным самим по себе и очень вредным для наук. Ибо приверженцы диалектики толкуют дело по законам своего метода, а если вопрос не укладывается надлежащим образом в деление надвое (тезис и антитезис), то обходят его стороной или вырывают из природного порядка. И результат их действий таков: зерна и крупы наук выбрасываются вон, и в их руках остается лишь сухая и бесплодная шелуха. Как следствие, такой метод порождает пустые тексты и разрушает незыблемую сущность знания».

В другом месте он отмечает, что такая форма логики «абсолютно порочна и несостоятельна, и столь далека от совершенства природы, что, напротив, извращает и искажает ее».

После тщательного изучения философии Аристотеля Фрэнсис проникся неприязнью и к ней, но не из-за недостойности автора, которому он приписывал высокие добродетели, а из-за бесплодности его учения, которое он считал философией, «лишенной возможности творить дела на благо человеческой жизни».

В одном весьма часто цитируемом отрывке биограф Бэкона, по случаю двенадцатилетия последнего, описывает решимость Фрэнсиса:

«Именно тогда его осенила мысль, время возникновения которой заслуживает упоминания не из-за чего-то необычного в самой мысли, которая, возможно, приходила в голову и другим до него, а из-за ее влияния на его последующую жизнь. “Если наше изучение природы столь бесплодно, – думал он, – то наш метод изучения, должно быть, ошибочен: не может ли быть найден лучший метод?” Мысль простая и очевидная, и необычность заключалась в том, как он ею воспользовался.

Большинство людей подобная мысль посетила бы и ушла, вызвав мимолетное сожаление. Но его пророческий дар видеть то, что может и должно быть осуществлено, сочетался с практическим талантом изобретать средства для воплощения увиденного в

жизнь и работать с мельчайшими деталями. Он мог одновременно воображать, как поэт, и действовать, как рабочий. За убеждением “это возможно сделать” немедленно следовал вопрос “как это можно сделать?”, а за ответом на вопрос следовала решимость попытаться это сделать».

Обратите внимание, что сказал это мальчик двенадцати лет. Биограф продолжает:

«О том, как постепенно эта мысль вызревала в проект, проект – в начинание, а начинание разворачивалось в четких пропорциях и во всем величии своих суммарных измерений, я ничего не могу сказать. Но то, что она впервые пришла ему в голову в Кембридже, то есть до того, как ему исполнилось пятнадцать лет, мы знаем из самого достоверного источника – из его собственного заявления доктору Роули. Полагаю, это следует считать самым важным событием в жизни Фрэнсиса, событием, оказавшим на его характер и будущее влияние большее, чем какое-либо другое...»

Разве не прекрасно отметить, что подросток в возрасте от двенадцати до пятнадцати лет может свободно мыслить, не подвергаясь бомбардировке шумом, рок-музыкой, наркотиками или телевизором?

Я уверена, что у сыновей Божьих и светоносцев наших дней вполне могут возникнуть гениальные мысли. Но они зачастую проходят мимо таких мыслей из-за слишком большого количества [информационного] мусора.

Как будто в XVI веке, когда жил Фрэнсис Бэкон, было место для эха: Слово Бога звучало в его разуме и, прокатываясь эхом, возвращалось к нему как практическая реальность. Это заставляет нас задуматься: не потеряли ли уже другой Фрэнсис Бэкон для нашей культуры и поколения и как величественная тишина и необъятность Внутренней Обители могут дать простор для размышлений детям с такими великими умами.

«...С тех пор в его груди пробудилась неутолимая жажда и страсть, преувеличить которую невозможно. С тех пор у него появилось призвание, которое задействовало и стимулировало все

силы его ума, придавая ценность каждому свободному отрезку времени; придавая интерес и значимость каждой случайной мысли и будничному доступу к знанию; придавая цель жизни, столь же обширную, как человечество, столь же бессмертную, как род людской; придавая идею жизни, достаточно значительную и возвышенную, чтобы навечно наполнить душу духовными и героическими устремлениями. С тех пор, хотя у него все еще бывали перерывы, разочарования, ошибки, сожаления, он никогда не оставался без работы, надежды или утешения».

Идея проста: существует лучший способ; мы можем постичь, как что-то сделать, и затем мы можем это сделать. Замысел Бэкона изменить «весь мир» воплотился в план, который он позже назвал «Великим восстановлением наук». В нем он предложил обновление искусства, науки, литературы и этики. Сама эта концепция фактически стала прообразом английского Возрождения. Биограф Альфред Додд утверждает, что Бэкон «всю свою жизнь трудился над претворением этого плана в жизнь, не только занимаясь написанием книг, но и активно создавая организации, которые будут способствовать исполнению его целей».

Спустя годы Фрэнсис Бэкон напишет о своей ранней решимости: «Рвение и постоянство моего ума осуществить этот план не охладели, не ослабели и через много лет. Помню, около сорока лет назад, во времена моего юношества, я написал о сих вещах произведение, которое с большой уверенностью и пафосом озаглавил *Tempus partum maximum*, или «Величайшее порождение времени».

За три года обучения в университете Фрэнсис пресытился студенческой жизнью. «Университеты, – говорил он, – всего лишь большие торговые лавки, с тем лишь отличием, что торгуют они не товарами, а почетными вакансиями, учеными степенями, местами в церковных приходах, профессорскими, епископскими и лекторскими должностями».

В 1576 году, в возрасте пятнадцати лет, Фрэнсис покинул Кембридж, не получив диплома, и, по настоянию сэра Николаса, начал учиться на адвоката в Грейс-инне¹.

20 сентября 1576 года Фрэнсис присутствовал на праздновании дня рождения королевы Елизаветы, во время которого произошло событие, ставшее самым тяжелым в его жизни. В самый разгар приема Роберт Сесил, двоюродный брат Фрэнсиса, нашептал придворным дамам злобную сплетню о тайне рождения «мистера Фрэнсиса». Королева, услышав, как леди Скейлз, одна из ее фрейлин, пересказывает эту историю, схватила незадачливую девушку и жестоко избила ее. Фрэнсис, случайно вошедший в покои королевы во время потасовки, вмешался, умоляя королеву сохранить девушке жизнь.

Правда излилась из уст королевы, и, разгневанная тем, что он встал на сторону девушки, она бросила ему: «Хотя ты и мой родной сын, я лишаю тебя права наследования за то, что ты воспротивился своей матери».

Потрясенный до слез, Фрэнсис быстро вернулся домой в Йорк-Хаус, бросился к ногам леди Энн и умолял ее раскрыть ему правду. С неохотой она поведала ему истинную историю его рождения, признав, что, если бы она не умолила королеву сохранить ему жизнь, та велела бы убить его. Чтобы заглушить боль, Фрэнсис написал королеве несколько сонетов. Окутанные тайной, они так и не были до конца поняты литературным сообществом. Я прочту вам несколько сонетов², которые он посвятил своей матери.

¹ Грейс-инн (Gray's Inn) – один из лондонских судебных иннов, в которых жили, учились и вершили суд английские адвокаты. Впервые упоминается в документах в конце XIV столетия, но точная дата основания неизвестна. Название происходит от имени прежнего владельца земли – некоего барона Грея. – *Прим. пер.*

² Сонет 2 и 13 – перевод С. Маршака, сонет 143 – перевод А. Финкеля. – *Пер.*

Сонет 2

Когда твое чело избороздят
Глубокими следами сорок зим,
Кто будет помнить царственный наряд,
Гнушаясь жалким рубищем твоим?

И на вопрос: «Где прячутся сейчас
Остатки красоты веселых лет?» –
Что скажешь ты? На дне угасших глаз?
Но злой насмешкой будет твой ответ.

Достойней прозвучали бы слова:
«Вы посмотрите на моих детей.
Моя былая свежесть в них жива,
В них оправданье старости моей».

Пушай с годами стынушая кровь
В наследнике твоём пылаёт вновь!

Сонет 13

Не изменяйся, будь самим собой.
Ты можешь быть собой, пока живешь.
Когда же смерть разрушит образ твой,
Пусть будет кто-то на тебя похож.

Тебе природой красота дана
На очень краткий срок, и потому
Пушай по праву перейдет она
К наследнику прямому твоему.

В заботливых руках прекрасный дом
Не дрогнет перед натиском зимы,
И никогда не воцарится в нем
Дыханье смерти, холода и тьмы.

О, пусть, когда настанет твой конец,
Звучат слова: «Был у меня отец!»

Сонет 143

Взгляни ты на хозяйку, как она,
Стремясь поймать удравшего цыпленка,
Погоней этой так увлечена,
Что забывает своего ребенка.

Бедняжка порывается за ней,
Заходится от крика и рыдания,
Она ж, охотой занята своей,
Малютку оставляет без вниманья.

Не так ли вдаль всегда летишь и ты,
А я, дитя, плетуся за тобою?
О, излови скорей свои мечты
И снова стань мне матерью родною.

Пойми, молю и будь опять со мной,
И поцелуем плач мой успокой.

Если бы эти сонеты попали в руки королевы, жизнь Фрэнсиса «не стоила бы и ломаного гроша». Они были накрепко заперты в старом дубовом сундуке. Когда королева поняла, сколь неприятной может быть для нее правда, она отправила Фрэнсиса в Европу под опеку сэра Эмиаса Паулета, своего посла при французском дворе. Ей нужно было время, чтобы решить, как поступить со своим юным принцем, скрывающимся по чужим именам. Она поручила ему изучать шифрование у французских специалистов и пройти обучение государственному управлению у французского короля Генриха III.

Парижский двор в то время был весьма утонченным, распутным и расточительным, но значительно превосходил английский двор в культурном и философском плане. Этот опыт позволил Фрэнсису напрямую соприкоснуться с идеалистами Европы: поэтами, учеными и мистиками, которые уже мечтали о золотом веке, призванном возвысить человечество.

Он проводил большую часть времени в путешествиях, оттачивая свой ум и выслушивая суждения самых разных иностранцев. И, понимая, что однажды ему суждено будет взять в руки штурвал

своего королевства, он внимательно изучал законы стран, по которым проезжал, отмечая различные формы правления, их преимущества и недостатки, а также все другие факторы, которые могли бы помочь человеку умело управлять другими.

Находясь при французском дворе, «мистер Фрэнсис», как его называли, влюбился в Маргариту Наваррскую, которая в то время пыталась развестись со своим мужем Генрихом. Точная продолжительность их отношений упоминается в сонете 104: «Три зимы, три лета, три весны минули с тех пор, как наши взгляды встретились впервые, сердечная подруга».

Вот как его биограф Додд описывает это переживание: «Прежде всего, сердце его стало биться чаще, а душа вспыхнула любовной страстью к женщине, королеве Маргарите Наваррской, в чьем салоне ежедневно собирались самые блестящие умы того времени. Она была прекрасно образована, умна и очень хороша собой. Французские поэты воспевали ее красоту в лучших сонетах, особенно признанные мастера слова Пьер де Ронсар, Гийом Дюбарта, Теодор д'Обинье и другие представители “бессмертных” [членов Французской Академии], задававших тон в [интеллектуальной элите] Франции того времени. «С этими близкими по духу людьми в атмосфере радости, веселья, остроумия и вдохновения Фрэнсис обрел на мгновение... счастье».

В подражание Ронсару он написал Маргарите несколько прекраснейших сонетов на французском языке, но, поскольку она была замужем за королем Генрихом Наваррским, о союзе между ними не могло быть и речи. Тем не менее, она оставалась его идеалом на долгие годы».

Именно при французском дворе Бэкон впервые ощутил волны Возрождения, захлестнувшие Европу. Как раз здесь, во французских литературных кругах, он познал тонкости шифрования, установил связь с тайными обществами, которые со времен Данте вели беспощадную интеллектуальную битву с Римской церковью. Он освоил искусство тайнописи, научился передавать сообщения через открытую печать с помощью намеренных опечаток, водяных знаков, иероглифов, заставок, концовок, символических изображений и тому подобного. Он проникся древними мистериями, их обрядами и их духовным толкованием древних мифов о

природе. Он изучил труды таинственного Пифагора, познал науку чисел и научился применять эти знания к напечатанному слову как священную печать.

Фрэнсис не только соприкоснулся с гностиками и мистиками, но и сблизился с французскими учеными, которые в то время начинали возрождать образование во Франции, основываясь на греческой мысли. В своем стремлении привести соотечественников к новому образу жизни, они во всеуслышание пытались сбросить оковы богословия, ограничивавшие свободу мысли и слова на протяжении тысячелетия.

Во главе этого движения стоял французский поэт Пьер де Ронсар. Он возглавлял небольшую группу интеллектуалов, известную как Плеяда. Плеяда – это объединение семи французских поэтов XVI века, получившее свое название от одноименного объединения поэтов-трагиков древней Александрии. Слово «плеяда» означает «семь прославленных или выдающихся личностей или произведений».

Вершиной опыта Фрэнсиса в тайных обществах стала дружба с великим итальянским философом шевалье Райберти, членом Ордена розенкрейцеров. Фрэнсис видел в нем пример человека, который не просто посвятил свою жизнь поиску истины, но и жил ею. Ричард Инс передает их разговор:

Фрэнсис: «Скажи, какой путь мне избрать?»

Райберти: «Твой путь – путь мудрости, иди по нему. Он принесет тебе великую награду, хотя и не ту, что ищет большинство людей. Люди всегда ищут призрачное и уклоняются от реального: добиваются славы, успеха, преуспевания, праздности, достатка, рукоплесканий...

Дай человеку богатство – и ты не дашь ему ничего. Но покажи ему, как измениться, чтобы мудро распоряжаться богатством, – и ты дашь ему бесценную жемчужину. Реальное всегда сокрыто внутри: истина, мир, любовь, удовлетворенность.

Используй внешние события лишь как ступеньки к достижению названных внутренних состояний. Трансмутируй честолубие в устремленность. Держись превыше всего любви, борись за любовь, сделай любовь началом и концом...

Идя по пути мудрости, ты в его конце обрешь невиданную власть – власть превосходнейшую и глубочайшую, нежели власть Цезаря или Александра Македонского...»

Розенкрейцерские взгляды Бэкона берут начало в этих самых беседах Фрэнсиса и Райберти. Старый философ подтвердил Фрэнсису то, что тот всегда в глубине души знал: процесс преобразования есть трансмутация, а ключ к этому процессу – любовь.

После трех лет радостной жизни в Европе Фрэнсису приснился сон, в котором он увидел дом сэра Николаса, вымазанный дегтем. Восприняв сон как предвестие трагедии, он поспешил домой в Англию, но прибыл слишком поздно и не застал своего любимого опекуна живым.

Один из почитателей Фрэнсиса писал об этом его периоде жизни:

«Когда в большинстве людей разгораются страсти, в нем расцветает поэзия. Состарившийся еще в детстве, он, кажется, с годами только молодеет. И все же при всей своей мудрости он не настолько мудр, чтобы предаваться мечтам... Все его поры открыты внешней природе. Птицы и цветы радуют его взор, пульс учащается при виде доброго коня, корабля, мчащегося на всех парусах, мягким очертаниям ландшафта; все святое, невинное и радостное воздействует на его душевное состояние, словно вино на кровь сильного человека.

Радостный, отзывчивый, скорый на добро, медлительный на зло, он оставляет в каждом, кто его встречает, ощущение дружеской любви, покоя и силы. Безмятежность его духа поддерживает его ум ясным, а чувства – теплыми. И подобно тому, как он покинул залы Тринити-колледжа с незамутненным разумом, так и теперь, когда долг призывает его возвратиться из Франции, он покидает галереи Лувра и Сен-Клу с незапятнанной нравственностью».

По возвращении в Англию Фрэнсис попытался оказать давление на королеву, чтобы та официально признала свою ответственность за него. Но она постоянно отрекалась от своей плоти и крови, отказывая ему в любых правительственных должностях. В то время как Фрэнсис стремился занять оплачиваемую должность,

чтобы иметь возможность самостоятельно обеспечивать себя финансово, королева и ее министры неодобрительно относились к его усилиям обрести независимость, очевидно опасаясь, что он, как наследник Тюдоров, не оставит попыток отстоять свое естественное право на престол.

Его финансовые крылья были «коротко подрезаны», и он оставался без гроша в кармане – гением, финансово зависимым от прихоти королевы. Однажды он посетовал: «Я подобен заклобученному ястребу, который не может летать, ибо привязан к кулаку королевы».

Бэкон однажды раскрыл истинные мотивы своего стремления к престолу. Он сказал: «Нельзя назвать неуместным самопревозношением, когда человек, чувствуя сердцем и разумом божественные дары (делающие его пригодным для исполнения предназначения быть принцем или для законного унаследования верховной власти, которой он был несправедливо лишен) и пребывая в истинном, благородном, королевском духе, стремится к власти не просто ради применения своего дара, но чтобы вывести свой народ из пучины нищеты (в которую тот постоянно погружается), к твердой скале такого образа жизни, который сменит вопли отчаяния народа на хвалебные песни».

В течение последующих десяти лет Фрэнсис боролся за место при дворе, но постоянно терпел неудачу. В конце концов, отказавшись от намерения править материальным королевством, он провозгласил:

«Я сделал все знание своим королевством». Затем, сосредоточившись на своей миссии, он начал процесс воплощения своего плана по преобразованию мира, который он назвал *Instauration Magna*, или “Великим восстановлением наук”, и который положил начало давно назревшему английскому Возрождению.

Фрэнсис вернулся к изучению наук. Королева Елизавета называла его своей “сторожевой свечой”, ибо, по ее словам, он “всегда горел, как зажженная свеча, никогда не гаснущая ни от каких бурь”».

Фрэнсис давным-давно стал философом. Его сознание отражалось в упорядоченных деталях его жизни. Он умел использовать

каждое мгновение с максимальной пользой. Он научился полностью расслабляться, черпать силы из неисчерпаемых запасов природы, хранить молчание, оставаться неподвижным, медитировать. Хотя ему приходилось постоянно находиться среди людских толп, он овладел искусством отключаться и, если возникала необходимость, становился таким же отстраненным в Вестминстер-холле, как если бы находился в песках Центральной Африки. Он давно познал жизнь как тайну, которую нужно разгадать, и как искусство, которое нужно постоянно развивать, практиковать и совершенствовать.

Он выработал для себя правила. Их можно прочесть в его записных книжках.

1. Следить, чтобы повседневная работа не стала рутинной.
2. Страхивать меланхолическое настроение, которое временами меня угнетает.
3. Почаще размышлять о юности, чтобы сохранить ее в уме и духе.
4. Не противодействовать моему гению – моему Ангелу-хранителю, но, сталкиваясь с необходимостью принимать решение самому, всегда выбирать благородный путь – чего бы мне это ни стоило.

В последующие десять лет правления королевы он постепенно продвигался к достижению цели, зародившейся в его душе еще в детстве: «Расширить пределы человеческого владычества настолько, насколько позволит Всемогуший Бог в Своей доброте».

Фрэнсис Бэкон стал глашатаем научной революции. Он ввел принципы, которые могут показаться нам очевидными, но для XVI века они были совершенно революционными. Главным из них был сам предложенный им научный метод. Процесс очень прост: ученый начинает с допущения, а затем, шаг за шагом, посредством утомительного эксперимента, доказывает его. Наше научное сообщество до сих пор функционирует на простой концепции эксперимента, используя метод индукции, как тому учил Бэкон.

Отсутствие креативности в области науки до XVI века во многом объяснялось непониманием истинной причины изгнания человека из Рая. В иудейско-христианской традиции людей учили, что человек пал из-за чрезмерного желания знать – «приобщиться к познанию добра и зла». Это привело к почти полному пессимизму как среди ученых, так и среди простых людей. Считалось, что хотя человек когда-то и жил в совершенной гармонии с природой и с самим собой, его последующее падение привело к длительному упадку цивилизации. Она пала от золотого века до серебряного, а затем, пройдя различные периоды человеческой дисгармонии и вырождения, опустилась наконец до свинцового века и глиняного века и подавления мысли в Средневековье.

Учение о «первородном грехе» настолько укоренилось, что среди людей широко распространилась тенденция считать себя живущими в сумеречной немощи умирающего мира. Бэкон признавал это чувство отчаяния, считая его величайшим из всех препятствий на пути научного прогресса.

Неизвестность природы, необъятность и сложность задачи познания истины, слабость суждения, обманчивость органов чувств – все это в глазах Бэкона создавало впечатление безнадежного положения людей. Точно так же и вера в то, что открывать нечего, что лучшее уже дошло до нас из прошлого, отбивала у человека желание пробовать что-то новое.

Бэкон объяснял это чувство безнадежности тем, что люди недооценивали свои способности и не осознавали собственной силы. В особенности он чувствовал свое призвание повышать представление людей об их способностях и возможностях и поддерживать их в борьбе с природой. На самом деле он отбросил скромность в достаточной степени, чтобы представить себя в качестве примера того, что может сделать для развития науки один человек, пусть даже обремененный многочисленными обязанностями, и чтобы показать, насколько больше можно достичь совместными усилиями многих людей, продолжающимися на протяжении веков.

Бэкон обратился ко всем людям с призывом познать их собственные способности и выбраться из пучины отчаяния. И эхо его призыва звучало все столетие. Тем, кто указывал на ошибку

Адама, Фрэнсис возражал: «Не чистое естественное знание, посредством которого Адам давал вещам имена, соответствующие их природе, стало причиной его падения, но честолюбивое и властное стремление к знанию нравственному, к суждению о добре и зле, которое заставляет людей отступать от Бога и подчиняться только законам собственной воли. О науках же, рассматривающих природу, святой философ высказывается: “Слава Божия – скрывать что-либо, слава короля – узнавать сокровище”³».

Кроме того, Бэкон определил, каким должен быть истинный ученый: человеком, обладающим одновременно состраданием и пониманием. Он подчеркивал, что знание без любви может жалить как смертоносный змеиный яд.

Идеи Бэкона о реформировании науки можно условно разделить на три категории: (1) признание недостаточности существующих знаний и необходимости и возможности их развития; (2) препятствия, мешающие развитию знаний; (3) средства достижения знаний.

Как всегда, Фрэнсис, не обращая внимания на мнения людей о себе, ставил себя перед ними в качестве образца нового ученого, которого он провозглашал. В следующем введении к одному из лучших эссе Бэкона, озаглавленному «Об истолковании природы», Фрэнсис открыто обсуждает с читателем свою миссию:

«Веря, что я рожден служить человечеству, и рассматривая заботу о всеобщем благе как своего рода общее достояние, которое, подобно воздуху и воде, принадлежит всем, я задумался о том, как лучше всего послужить человечеству и для какого служения я сам наиболее приспособлен природой. Среди всех благ, которые могли быть дарованы человечеству, я не нашел ни одного столь великого, как открытие новых ремесел, благотворительность и товары для улучшения жизни человека... Было очевидно, что благотворные влияния, оказанные основателями городов, законодателями, отцами народа, искоренителями тиранов и героями такого рода, простираются лишь на ограниченные пространства и

³ «Слава Божия – облекать тайной дело, а слава царей – исследовать дело» (Притч. 25:2).

длится недолго, тогда как дело изобретателя, хотя и менее пышное и показное, ощущается повсюду и длится вечно.

Но превыше всего, если бы человек преуспел не в каком-то частном изобретении, каким бы полезным оно ни было, а в зажжении света в природе (света, который самым своим возвышающим прикосновением должен был бы осветить все пограничные области, ограничивающие круг нашего нынешнего знания, и распространялся бы все дальше и дальше), то он должен был бы вскоре раскрыть и сделать видимым глазу все самое сокрытое и тайное в мире; такой человек, как я полагал, стал бы поистине благодетелем всего рода людского, распространяющим владычество человека над Вселенной, поборником свободы, победителем и усмирителем нищеты.

Что касается меня, я обнаружил, что ни для чего так не приспособлен, как для исследования Истины, ибо обладаю умом достаточно гибким и разносторонним, чтобы улавливать сходства вещей (что является главным), и в то же время достаточно устойчивым, чтобы фиксировать и распознавать их более тонкие различия; ибо одарен от природы горячим стремлением к поиску, терпением к сомнению, любовью к размышлению, неторопливостью в утверждении, готовностью пересматривать, обстоятельностью в опровержении и упорядочивании; ибо являю собой человека, который ни предпочитает новое, ни восхищается старым и ненавидит любой обман. Поэтому я думал, что моя природа имеет своего рода близость к Истине и связь с ней.

Тем не менее, коль скоро мое рождение и образование приспособили меня к государственным делам; и коль скоро различные мнения в юном возрасте иногда вызывали у меня сомнения; и коль скоро я считал, что родина человека имеет на него особые права, большие, чем остальной мир; и коль скоро я надеялся, что если я займу какое-либо почетное место в государстве, то у меня будет больше трудолюбия и способностей, которые помогут мне в моей работе, — по этим причинам я и посвятил себя освоению ремесел гражданской жизни, и посвятил свою службу, насколько позволяли скромность и честность, тем друзьям, которые имели хоть какое-то влияние. К этому у меня был и другой мотив, ибо я чувствовал, что все то, о чем я говорил, большое или малое, не

выходит за рамки условий и культуры этой смертной жизни. И я не терял надежды (положение дел в религии в то время было не очень благополучным), что если займу государственную должность, то смогу тоже что-то сделать на благо душ человеческих.

Однако, когда я обнаружил, что мое рвение ошибочно принимают за честолюбие, и моя жизнь уже достигла переломного момента, а мое пошатнувшееся здоровье напомнило мне, как губительно мне позволять себе такую медлительность; и более того, я размышлял, что, оставляя неисполненным то доброе, что я мог бы сделать сам, и сосредоточиваясь на том, что невозможно сделать без помощи и позволения других, я никоим образом не исполняю своего долга; в итоге я отбросил все мысли о занятии должности и, следуя своему давнему решению, всецело посвятил себя делу науки...

Если кто-то обвинит меня в стремлении к чрезмерному мудрствованию, я отвечу просто: скромность и почтительность подходят для дел гражданских, в изучении же наук следует почитать только Истину.

Если кто-то потребует от меня дел, и немедленно, я отвечу ему откровенно, без всякого обмана, что для меня – человека нестарого, но со слабым здоровьем, с руками, занятыми гражданскими вопросами, приступающего без руководства и света к самой темной (неясной) из всех других теме, я считаю достаточным построить машину, хотя мне, возможно, и не удастся запустить ее в действие...

Наконец, хотя это и не столь важно, если бы кому-либо из наших политиков (которые привыкли делать свои расчеты и предположения, основываясь на людях и прецедентах) пришлось бы вставить свое суждение в дело подобного рода, я бы лишь напомнил ему, как, согласно древней басне, хромой, не сошедший с дистанции, выиграл забег у быстрого, сошедшего с нее, и что не стоит думать о прецедентах, ибо дело это беспрецедентное.

Теперь о моем плане публикации... Я желаю, чтобы мой труд был опубликован по всему миру и распространялся из уст в уста, а остальное я бы передавал из рук в руки, тщательно отбирая и оценивая...

Я не гонюсь за славой: у меня нет желания основывать секту по образцу ересиархов; и искать личной выгоды в таком предприятии я считаю столь же нелепым, сколь и низменным. Мне достаточно сознания своей заслуги и тех реальных и действенных результатов, которые сама Фортуна не сможет оспорить».

К тому времени, как некоторые из его философских трудов были опубликованы, Фрэнсис Бэкон получил назначение в Палату общин, начав службу, на которой его отличали как честность, так и популярность. В течение трех сессий парламента, в которых служил Фрэнсис Бэкон, Англия одержала некоторые из своих важнейших политических побед, включая разгром испанской Армады в 1588 году.

Будучи одним из самых красноречивых членов парламента, Бэкон отстаивал права простого человека, выступая за всевозможные реформы. Он утверждал, что законы пишутся для защиты прав народа, а не для содержания юристов и что законы должны быть известны и доступны всем. Он всегда стремился сделать Англию великой, ее народ – свободным, а процветание – всеобщим, отмечая укоренившиеся злоупотребления и классовые привилегии.

Он вносил законопроекты, вызывавшие множество разногласий и расколов среди членов парламента, – законопроекты, защищавшие положение простого народа от архаичной несправедливости со стороны правящих классов, обосновавшихся при дворе. И хотя в итоге он обрел огромную власть в Палате общин, тем не менее Бэкон ни разу не приподнимал шляпу перед силами реакции или тирании [чтобы получить власть].

Никто при дворе не мог сравниться с ним в огненной риторике или по тому благоговению, которое он внушал слушавшим его. У него был «мягкий голос, смеющиеся губы и нежное сердце», чем он снискал себе дружбу многих. Его невероятное чувство справедливости впоследствии обернулось для него политическим крахом, поскольку его реформы поставили под угрозу некоторых из самых известных и влиятельных юристов его времени. Даже его двоюродный брат Роберт Сесил, тогдашний государственный секретарь, и лорд Берли, его дядя, крайне завидовали внутренней

силе Фрэнсиса. Они знали, что она может привести его к власти при дворе, а в итоге и к самому королевскому трону, если он будет его добиваться. Зависть Сесила к Фрэнсису и его постоянные перешептывания о нем с королевой укрепили ее уверенность в том, чтобы чинить препятствия любому продвижению Фрэнсиса.

После смерти Елизаветы I 24 марта 1603 года Яков VI Шотландский, сын Марии Стюарт, унаследовал английский престол, став королем Яковом I Английским.

Мало кто из историков подвергает сомнению его право на престол, но недавние свидетельства указывают на то, что Яков был, если разобраться, «подменным», а не истинным наследником престола. В них утверждается, что ребенок Марии умер при рождении, а новорожденный сын графа Мара был тайно доставлен в замок, чтобы занять место королевского наследника.

По словам Альфреда Додда, в августе 1830 года рабочий, ремонтировавший стену Эдинбургского замка у входа в покои королевы, обнаружил за продолговатым камнем полость. «В ней находился дубовый гробик, а в нем лежало тело маленького ребенка, завернутое в золотую ткань с вышитой буквой «J»... сморщенное и высохшее. Предположительно, младенец и был настоящим Яковом VI Шотландским».

Некоторые полагают, что Мария узнала правду, когда было слишком поздно, чтобы публично раскрывать информацию о случившемся. Если это свидетельство верно, то оно проливает свет на глубочайшую паранойю, которую Яков проявлял после восхождения на престол. Яков, возможно, и не был наследником престола, но Фрэнсис точно был.

Историки сообщают, что «в лице Якова Англия получила короля, которого презирала. Его внешность была отнюдь не королевской: ...неуклюжая фигура, бегающие глаза, шаткая походка, нервные подергивания, слюнявый рот... Все эти недостатки делали Якова и его правление объектами презрения».

Некоторые подозревали у Якова гомосексуальные наклонности. Он постоянно проводил время со своим фаворитом, Джорджем Вильерсом. Он появлялся с ним открыто, обнимая его за шею и осыпая его лицо поцелуями. У него был грязный, низкий ум. Он даже специально нанял двух человек, чтобы те рассказывали ему

непристойные истории. Они так преуспевали в этом, что он посвятил их за «труды» в рыцари. Это был просто самозванец, воссевший на место сэра Фрэнсиса Бэкона. История кажется несправедливой, не правда ли?

И во время своего правления он спровоцировал огромные несправедливости по отношению к гражданам Англии, сжигая и безжалостно убивая тысячи невинных людей, в основном женщин и детей, которых обвиняли в колдовстве.

Читая в наше время об этих самозванцах, вторгавшихся в историю, выступавших против Владык (действие-противодействие), мы воздаем призыв о суде над ними. Крайне необходимо, чтобы причина, следствие, запись и память тех, кто противостоял Владыкам и их ученикам, были уничтожены тем же священным огнем. Пока история не очищена и не прояснена, она – настоящее, а не прошлое. Вероятнее всего, тот же человек – предатель слова Сен-Жермена – воплощен и сегодня с теми же самыми качествами.

Несмотря на врожденную порочность Якова I, Фрэнсис Бэкон всегда оставался его верным и покорным слугой. Со временем Яков стал полагаться на советы и проницательность Фрэнсиса в государственных делах. Фрэнсис пытался зажечь сердце и ум Якова, делясь с ним своими «утопическими» взглядами. Он посвятил королю свою знаменитую книгу «Успех и развитие знания божественного и человеческого» и даже убедил его стать братом-масоном.

Когда Фрэнсис женился на Элис Барнэм, женщине намного моложе его (и к тому же простолюдинке), многие подозревали, что он это сделал для того, чтобы убедить короля Якова, что не претендует на английский престол, ибо ни один ребенок, рожденный простолюдинкой, не мог унаследовать английский трон.

Ричард Инс так описывает их свадебную церемонию:

«Фрэнсис приехал в церковь из Грейс-инна в сопровождении друзей и множества слуг из Горхэмбери и других поместий. Он был одет в костюм из малинового атласа с широкими рукавами, отделанными серебряной парчой. Его туфли были из бархата персикового цвета, а за спиной развевался на ветру длинный, пышный

плащ королевского пурпура. Он выглядел почти как призрак Христофора Колумба.

Многие представители знати и дворянства собрались, чтобы почтить своим присутствием его женитьбу, и в Лондоне много дней судачили о ней. Эта новость даже передавалась за границей от одного посла к другому: “Сэр Фрэнсис Бэкон недавно женился на своей молодой бабенке в часовне Марилебон. Он сам и его жена с головы до ног вырядились в пурпур. Они припасли так много нарядов из тончайших тканей, серебра и золота, что, похоже, на это пошла львиная доля ее приданого...”».

В отличие от Елизаветы, Яков пожаловал Фрэнсису много должностей при дворе, включая должность генерального стряпчего, секретаря Звездной палаты, генерального прокурора, лорда-хранителя Большой печати, лорда-канцлера и виконта Сент-Олбанского. Должность канцлера была высшей должностью в стране после королевской.

Однако по меньшей мере один человек не был благодарен Фрэнсису Бэкону за его мудрость. Сэр Эдвард Кок, его коллега-юрист в парламенте, с тревогой наблюдал за восхождением Фрэнсиса к власти. Кок ненавидел Бэкона с того дня, как Фрэнсис еще молодым пришел в Палату общин. Они были во всех отношениях противоположностями. Кок был богатым и влиятельным, на десять лет старше Фрэнсиса. Он был известным адвокатом, красноречивым и язвительным, но с узким умом, вращавшимся исключительно вокруг затхлых томов по юриспруденции и скудного удовлетворения от зарабатывания и накопления денег.

Фрэнсис, как всегда, был беден и без гроша в кармане. Молодой, идеалистичный адвокат, больше всего на свете любивший литературу, тратил деньги только на постижение мудрости и возвышение своих братьев. Более того, у него были уста и сердце древнего оратора, а не просто софистика некоторых его коллег.

Кок ненавидел Фрэнсиса за его гениальность. Комплекс неполноценности Кока обострялся в присутствии того, чье интеллектуальное превосходство он интуитивно признавал. И он ненавидел его еще сильнее, зная, что у Фрэнсиса Бэкона на самом деле более высокое происхождение, как у принца Тюдоров, чем у него самого.

В то время как Кок занимал пост верховного судьи, а Бэкон был генеральным прокурором, между двумя этими мужами разгорелся серьезный конфликт по юридическим вопросам. Необходимо было принять решение о том, имеет ли Фрэнсис Бэкон как генеральный прокурор законное право приостановить рассмотрение конкретного дела до тех пор, пока Корона не предоставит защиту, или же Кок как верховный судья может вынести вердикт и без нее.

Кок передал дело на рассмотрение королю и его коллегии из двенадцати судей. Суд встал на сторону Бэкона, подозревая, что Кок назначил слушание, чтобы «бросить вызов Фрэнсису Бэкону при исполнении им обязанностей прокурора».

Король Яков приказал отстранить верховного судью Кока от должности. Затем он назначил королевскую комиссию для изучения и пересмотра судебных решений Кока. Было выявлено достаточно нарушений с его стороны, чтобы вынести обвинительный приговор и учинить над ним публичный суд за превышение полномочий, нарушения норм права и неповиновение законам.

В отчаянии Кок пал на колени перед Тайным советом, в котором его кресло уже занял Бэкон, и молил о пощаде, чтобы избежать публичного суда. В ответ на его мольбы Фрэнсис написал королю в защиту Кока: «Хотя сборники судебных решений сэра Эдварда Кока и содержат отдельные ошибки, а некоторые предварительные и внесудебные решения выходят за рамки полномочий, тем не менее по многим делам он принял огромное количество верных решений и постановлений». Таким образом было проявлено милосердие.

В любом случае это была победа Фрэнсиса Бэкона. Когда весть о том, что Кок впал в немилость, дошла до простолюдинов, они зубоскалили между собой: «Бекон оказался не по зубам повару!»⁴

⁴ Игра слов: фамилии «Васон» (*Бэкон*) и «Соке» (*Кок*) созвучны англ. словам «васон» (*бекон*) и «соок» (*повар*). – *Пер.*

